

Елена Вернер Черный клевер

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953136
Черный клевер : [роман] / Елена Вернер: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84145-5

Аннотация

Нина пела старинный романс о черном клевере, который распускается, когда между влюбленными нет взаимопонимания, а тайн больше, чем счастья. И Михаил полюбил ее – не просто чужую жену, а жену первого помощника великого кремлевского правителя. У них не могло быть общего будущего, а над настоящим сгустились свинцовые тучи: однажды грозный муж поймал их с поличным. Но вместо страшной расправы случилось невозможное: он согласился отпустить Нину! Правда, перед Михаилом было поставлено условие – предать дело всей его жизни...

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Вернер

Черный клевер

© Вернер Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен;
это был век мудрости, это был век глупости;
это была эпоха веры, это была эпоха безверия;
это были годы света, это были годы мрака;
это была весна надежд, это была зима отчаяния;
у нас было все впереди, у нас не было ничего впереди;
все мы стремительно мчались в рай, все мы стремительно
мчались в ад, –*

*словом, то время было так похоже на наше, что наиболее
крикливые его представители требовали, чтобы к нему применялась
и в дурном и хорошем лишь превосходная степень сравнения.*

Ч. Диккенс «Повесть о двух городах»

«Опять не туда смотришь. Пляши от себя.

Ты решаешь. Ты делаешь. И отвечаешь тоже ты.

Поэтому: стесняешься – не делай. Делаешь – не стесняйся.

Сделал – ты прав.

Мнение окружающих – повод рассмотреть будущие действия.

Не прошедшие.

Другим будет больно. Без вариантов».

Н. И. Дубас

Часть первая

Лора

06.03

Ночь почти оставила город, нехотя, как собака обглоданную кость. Лора допивала кофе, стоя у распахнутого окна, через которое в комнату на последнем этаже дома по влажным крышам вползало блеклое и зябкое сентябрьское утро. Впрочем, утро – всего лишь условность для Города, который никогда не спит. Лора знала это лучше многих, потому что одинаково хорошо изучила его, в любой час его бодрствования, в любой из двадцати четырех часов каждые сутки. Бессонница была общей для них, для Города и Лоры Астаниной, давно перестав казаться тягостным недугом и превратившись в привычку.

Женщина бездумно и равнодушно глядела поверх кровель домов туда, где застройка рассекалась надвое Садовым кольцом. Слева небо стремительно светлело, истончалось, обещающая скорый рассвет, и тьма пятилась на запад, отступая неохотно и мягко. Воздух провис от усталого оцепенения, заторможенности, всегда присущей раннему часу, несмотря на обычные человеческие заверения в том, что утро – пора бодрости и отдохнувшего разума. Нет, предрассветные минуты безнадежно утомлены, донельзя вымотаны долгим ночным бдением, и даже пение птиц, которые вот-вот проснутся, не сразу изгонит эту обморочную негу.

Лора на секунду прикрыла глаза, ощущая, как неприятно стянуло кожу после умывания. Кремом она, конечно, не пользовалась, не говоря уж о косметике, да и в зеркало почти не глядела – только если речь не шла о зеркалах заднего вида... Так что она просто поставила кружку с кофейной гущей на разошедшийся, давно не крашенный подоконник и потерла ладонями лоб и щеки. Сухой шелест пергамента. С закрытыми глазами все слышно как будто отчетливее. Из окна пахнет осенью, остро, оставляя холодинку у самого нёба. От пепельницы на подоконнике тянет остывшими окурками, запах отвратительный и привычный. Надо бы бросить курить, но ради кого? Точно не ради самой себя. Во дворе, далеко внизу, дворник метет палую листву. Шурх... шурх... Отчего-то вдруг подумалось, что за многие годы истории в Городе изменилось почти все, но не дворники, у них все те же немаркие одутловатые одежды и метлы из красно-коричневых прутков, примотанных к черенку.

Вдалеке тревожно завывала сирена. Лора отличала сирены разных служб, она с детства знала, что пожарные звучат не так, как милиция. Сейчас – «Скорая», несущаяся, безо всяких сомнений, к Склифу, что совсем неподалеку, даже угол здания видно. Если вслушаться в доносящиеся из-за окна звуки достаточно долго, то окажется, что вопль сирены здесь – обычное дело, штрих к портрету района, словно крики чаек где-нибудь в приморском городке... А теперь рев двигателя мотоцикла, промчавшегося по проспекту в сторону Сухаревской площади. Этот звук сразу пробудил ворох ненужных мыслей и воспоминаний (лихой вираж, голубые глаза, разбитое колено в рванье брюк), они всколыхнулись, заворочались – и были безжалостно изгнаны.

Лора сполоснула кружку и оставила вверх дном на испещренной известковыми отметинами сушилке. В сливе раковины забулькало. Словно в ответ, где-то по соседству спустили воду в туалете, и она с шумом хлынула вниз по трубам. Сквозь гулкую ветхость перекрытий стало слышно старческое покашливание. Старики встают первыми, им не спится, к утру кости начинает ломать и выкручивать артрит, – но вскоре проснется и весь дом. Спящий дом в неспящем Городе.

Пора.

Ничуть не заботясь тем, чтобы ступать потише, Лора прошла в прихожую. Все комнаты бывшей коммуналки были заперты, и в коридоре дремал комковатый пыльный сумрак. Из-за той двери, что справа, доносился тихий храп Теодоры Михайловны, старушки, у которой Лора снимала комнату, дальнюю по коридору. За третьей дверью отсыпалась после дежурства еще одна жиличка, Катюша, молоденькая медсестра из Склифа. За исключением, пожалуй, нескольких бесед, когда Катюша излила душу, ни с той, ни с другой Астанина почти не общалась. Отчасти потому, что графики их жизни не совпадали, а больше из-за того, что человеческой болтовни Лоре хватало и на работе. Дома она хотела быть предоставлена сама себе. Точнее, спать и ни о чем не думать. Хотя от бессонницы получалось лишь ворочаться.

Старый щербатый паркет с повизгиванием и треском отозвался на ее шаги. В большом коридоре было пусто и уже пахло ремонтом. Старые обои в бирюзовый ромбик неровными свитками торчали из большого мусорного пакета, прислоненного к стене у кухни. Ободранная стена странно увеличивала пространство и поднимала вверх и без того высокий лепной потолок. Под вешалкой громоздилась башня из составленных одна на другую банок со шпатлевкой и краской. Лора отметила про себя, что даже не увидела их накануне, когда ввалилась домой за полночь, уставшая и голодная. Видимо, Катя всерьез решила взяться за благоустройство их жилища. На днях она заикнулась о том, чтобы купить в складчину кое-какие стройматериалы, но Лора тогда лишь с сомнением оглядела с высоты своего роста хрупкую фигурку соседки и хмыкнула. Катюша настаивать не стала, пожалала плечами и ускользнула с общей кухни, но идею свою не оставила и вот теперь потратилась сама, да еще и, наверное, собственноручно приволокла тяжеленные банки в квартиру – вряд ли кого-то нанимала и просила. Упорства этой крохотной девчонке не занимать... Что ж, придется пойти навстречу и выделить-таки на ремонт несколько дней – ночами жертвовать не стоит, ночью зарабатывается больше, раздумывала Лора, отсчитывая несколько купюр и кладя их на старую (впору назвать уже старинной) деревянную консоль с резными ножками в виде орлиных когтистых лап. Катюша наверняка увидит их, когда будет брать свои ключи. Вот они, поблескивают брелком в виде чаши, обвитой змеей. Ну конечно, какой еще может быть брелок у медсестры – смех, да и только...

Лора зашнуровала кеды, с сожалением глядя на ботинки с тяжелой подошвой, которые так любила. Нет, в ботинках она не выдержит, ноги вспотеют и устанут, как это уже было вчера. Зачем мучить себя преднамеренно? Вести машину все-таки лучше в кедах. Она одернула широкие штанины джинсов, надела вытертую на локтях и сгибах кожанку и проверила сумку. Мобильный, кошелек, перцовый баллончик. Необходимый минимум.

На лестничной площадке было тихо. Вот уже шесть лет Лора тщательно прислушивалась к малейшему шороху за спиной. Последние два – пока запирала дверь квартиры. Она догадывалась, что произошедшее с ней вряд ли когда-то повторится хотя бы отчасти, но ничего не могла с собой поделать. В конце концов, это только говорят, что молния никогда не ударяет дважды в одно дерево. На деле же история знает американского лесничего Салливана, которого молния была семь раз, или майора Саммерфорда, в которого молния попала трижды, а в четвертый раз разрушила его надгробный камень. А ведь человек куда злокозненней природного явления... Так что Лора предпочитала держать ухо востро и не испытывать теорию вероятности на себе. К тому же она так и не заставила себя ни разу за прошедшие годы воспользоваться лифтом, хоть и жила теперь на последнем этаже. Кате, которая как-то раз спросила, почему та не едет вместе с ней, Астанина пояснила, что пользуется возможностью размять ноги после сидячей работы. Прозвучало правдоподобно. Сейчас лифт стоял где-то ниже, и его сетка, опоясанная лестничными маршами, выглядела клеткой дремлющего василиска.

Стоит на мгновение прикрыть глаза, и кошмар повторяется. Заикающиеся автоматические двери, закрыться которым мешают плечи, крик, ватный поцелуй тишины, сердечная дробь, которая нарастает и вот-вот оборвется. Теплое и липкое, мокрая ржавчина на руках. Тошнота. Ужас, от которого ошетиливается тело. Оглушительное облегчение. Оно было перед тем, как осознала... Случившееся. Никогда больше Лора не чувствовала облегчения, а в тот, последний, раз оно было – преступно. Убийца.

Она убила человека, и не было еще ни дня, когда бы она об этом не вспомнила.

Лора вышла во двор, и в лицо дохнуло осенней прелью. Ночью прошел дождь, асфальт уже высыхал, весь в темных язвах луж и раскисшей листвы. Лора села в машину, завела двигатель и чутко прислушалась, пытаясь разобрать в его гудении что-нибудь несвойственное, неполадку, малейшее несовершенство. Может быть, младенческое лепетание масляного фильтра или шелест с присвистом от растянувшегося ремня генератора... Старое «Рено» и Лора, они были союзниками, соратниками, коллегами, и женщине жизненно важно было знать, если с автомобилем что-то не так. Но все звучало, как всегда, идеально. Лора вполне могла есть с грязной тарелки и не убирать в комнате месяцами, но ее машина всегда была вычищена, вымыта от лобового стекла до пепельницы в задней двери. Иногда по воскресеньям она натирала внешнюю поверхность автомобильных шин черным кремом для обуви, а раз в четыре недели непременно обрабатывала весь кузов японской полиролью, любовно оглаживая фланелью блестящие скаты. Один человек, помнится, назвал ее маньячкой. Сам такой.

Только теперь, положив руки на руль, Лора заметила, как дрожат пальцы. Можно было свалить все на кофеин, но кофе она выпила всего чашку и даже толком не избавилась от дремоты. Тут другое. И даже на недосып не списать. Вязкое чувство с неприятным металлическим привкусом. Лоре захотелось ошибиться в своих предчувствиях. Потому что уже давно в ее жизни ничто не менялось к лучшему. Только наоборот. Вспомнилась вдруг бабушка, которая наказывала ей никогда не произносить вслух фразу «Что день грядущий мне готовит?»...

– Я однажды утром сказала так, еще в студенчестве, – делилась бабушка, не помня уже, что рассказывает эту историю не в первый и даже не в десятый раз, – а потом пошла на экзамен и завалила его. С тех пор это для меня плохая примета. И для тебя, стало быть, тоже, ведь ты моя внучка.

Меньше всего женщине, сидящей за рулем недорогой иномарки, подходило это домашнее, трогательное слово «внучка» – да и бабушка давно ушла в лучший мир. В зеркале заднего вида Лора мельком встретила взглядом со своим отражением, хмурым, светлоглазым, со взъерошенными на затылке стриженными волосами, забывшими расческу, и заломом у рта, который с каждым днем пролегал все глубже, все заметнее. Это от того, что она часто неосознанно покусывает щеку, нервы ни к черту. Сегодня ей исполнилось тридцать три.

Машина вынырнула из отверстой пасти двора, ощерившейся полуголыми пламенеющими кленами, и скользнула на проспект Мира. Среди дробной разрозненности мыслей Лора нащупала ту, что возвращалась с навязчивым постоянством: дорожный мир похож на подводный. Навстречу пронеслась «Мицубиси», голубовато-бирюзовая, призрачная в утреннем слабом свете, с хищной акульей мордой и раскосыми светящимися глазами. С неповоротливостью сома вдоль обочины плыла поливальная машина, распустив мокрые сомовьи усы, словно щупая ими перед собой и в стороны. За ней телепалась крохотная старенькая «Ока» – ни дать ни взять килька.

Лора связалась с диспетчером.

– Семьдесят девятая на связи.

– Доброе утро, семьдесят девятая, – радостно отозвались в динамике. Лора узнала эту девушку, самая приветливая из всех. На сердце, как на дождливом горизонте, немного прояснилось.

– Первый Саратовский проезд, дом семь. Ближайшее метро «Текстильщики». Расчетное время прибытия?

Лора прикинула. Дороги еще совсем пустые.

– Пятнадцать-двадцать минут.

– Хорошо, семьдесят девятая. Дерзайте. Счастливого пути! – пожелала диспетчер и отключилась.

В голове Лоры уже выстраивался маршрут. Она принципиально не пользовалась навигатором, но справлялась неплохо. Только начиная работать таксисткой, она сразу дала себе обещание выучить Город и – освободиться, выйти на волю по-настоящему. Затеряться в потоке машин. Быть скользящей, невесомой, непривязанной. Только то, что находится в голове, знала она, и принадлежит человеку по-настоящему. Только то, что знает его тело. Это нехитрое, но очень важное знание о мире она получила, когда потеряла все остальное. Такой опыт полностью все меняет. Пока сложение и вычитание не выучены, ими невозможно пользоваться, это просто абстракция, и калькуляторы тут не помогут.

Теперь, два года спустя, Город был врезан в извилины ее мозга так же крепко, как в землю, на которой стоял, в семь холмов, излучину реки и канал. Он по-прежнему не принадлежал ей, но его изображение, оттиск – да. Теперь она сама стала себе навигатором.

Город, словно дитя Франкенштейна, создан из разных кусков, сшитых грубо и наскоро, огромными серыми стежками эстакад и тоннелей. Мрачное индустриальное великолепие юго-востока: сущий Детройт. Обвившаяся пуповина развязок МКАДа и Третьего транспортного, огромные трубы ТЭЦ, из которых ночами поднимается изумрудно-зеленый светящийся inferнальный дым, труба Капотни, толчками выбрасывающая в темное небо пламя нефтяного факела и затягивающая черноту оранжевым заревом. Южный порт, подтыкающий низкие тучи металлическими костями подъемных кранов, с вереницей груженых контейнеров и десятилетним слоем пыли, и летом, и зимой сквозь снег покрывающим ларек с шаурмой и стопку камазовых покрышек у вывески шиномонтажа. Непокойные вороватые окраины и заводские слободки, куда такси вызывают редко и только по ночам: такси стоит недешево, но метро закрывается в час, а ходить там с наступлением темноты – еще дороже. Там люди боятся садиться в незнакомые машины, но все-таки садятся на свой страх и риск, а Лора в свою очередь рискует, соглашаясь их везти. Такой вот общественный договор. Хотя, конечно, если учитывать ее прошлое, она изначально меньше них достойна доверия. В сущности, как много убийц может встретиться лицом к лицу в Городе? Лора горько усмехнулась – больше, чем кажется. Это ведь не рубец, не клеймо на лбу, первому встречному не видно...

Тихий интеллигентный север, с дворами, утопающими в зелени, вертлявой Яузой, Лихоборкой и спальными районами, замотанными в дребезжащие трамвайные пути. Огромный размах проспектов советских времен, с широким полотном дороги, колоннами и гербами, выбитыми на фасадах, стадионы и парки. На севере особенно чувствуется ничтожность человека перед лицом Империи. Свысока смотрят Рабочий и Колхозница, ввысь взлетает монумент покорителям Космоса, вертится колесо сансары-Обозрения, даже каменные кони ипподрома несутся высоко поверх машин и голов пешеходов. Дворцы стали выше на десятки этажей, теперь их обитатели – небожители из высоток и Триумф-паласа, и с простонародьем они не встречаются, разве что с извозчицей Лорой.

Центр застроен, забит, заполнен, тесный и красивый, с затопившими его, переливающимися через край заботами и волнениями, часто государственной важности. Это приют министерств, ведомств, присутствий, бюро, коллегий и департаментов, чиновничий мирок

под знаком «Стоянка запрещена», со шлагбаумами, дипломатическими номерами и пропусками с российским триколором. Сюда Лорины пассажиры опаздывают на заседания, летучки и совещания, сюда везут документы в папках, тоскливую озабоченность в глазах, ранний геморрой и сердечные приступы.

В Сити, на острие этого многоверхого клыка Города, она доставляет белых воротничков всех видов. Впрочем, видов всего два: менеджеры среднего звена и высшего. Их различает страх: те, что пониже, боятся начальства и «не успеть», те, что повыше, боятся потерять свои деньги, оттого злее, хамоватее и разочарованнее. И если среднее звено нет-нет да и перебросятся с Астаниной парой слов, посетует на босса-тирана, непонимание жены или даже стрельнет сигаретку («вообще-то бросил, в офисе недавно запретили под угрозой увольнения»), то топ-менеджеры заняты лишь собственными делами, которые решают по телефону и Интернету, сколько бы времени ни заняла дорога. Их мир – звонки и эсэмэски, уведомления о транзакциях, кризисы, баррели, видеоконференции и шелест кнопок ноутбуков. Сити искрится холодными огнями, его видно со всех сторон, как заколдованный дворец, как огромный безнадежно-голубой бриллиант, за который с легкостью можно продать душу.

Здесь, на западе Города, все выглядит более дорогим и менее доступным: здания, магазины, салоны, автомобили, женщины, мужчины. Рублевки с барвихами, чья блестящая жизнь наполнена отчаяньем невысказанной роскоши. Пятиметровые заборы вокруг особняков скрывают своих хозяев, но Лоре все же доводится подышать с ними одним воздухом, тем, что циркулирует по салону ее машины, сухим, постепенно наполняющимся запахом дорогих духов. Иногда она заводит кого-то из них забрать из химчистки кипу одинаково белоснежных рубашек, штук сорок-пятьдесят, стало быть, на два рабочих месяца, при условии, конечно, если не менять их после тяжело прошедших переговоров с партнерами. Иногда едет через полгорода, чтобы взять эффектную красавицу из дома и довести до салона красоты, что на соседней улице. В такси никто не собирается выглядеть хорошо, так что она насмотрелась и на шрамы за ушами и подмышками, следы подтяжек, которые не собираются пока прикрывать голливудскими локонами и норковым мехом палантина, и на алые, ободренные химическим пилингом физиономии.

Иногда Лоре кажется, что через запад и юг в город течет власть. Каким-то необъяснимым образом направление ее движения совпадает с перемещением воздушных масс по розе ветров и с течением главной реки. Правительственная трасса от загородных дач и резиденций, по которой с воем проносятся кортежи черных блестящих джипов, похожих на морских касаток, такие же обтекаемые, быстрые и суровые, чтобы нырнуть в расставленные сети Боровицких ворот Кремля. Парадный въезд через юго-запад, мимо чистых и ярко окрашенных домов и новехоньких деловых и медицинских центров. Здесь ей бывает неуютно, будто оттого, что свет становится сильнее и выхватывает каждого на этих улицах явственнее.

Ночью Город меняет свое лицо. Как в игре, когда «горожане ложатся спать, мафия открывает глаза», сами люди становятся другими, меняя одну маску на другую – без масок никто не ходит. Всюду алкоголь, всюду сняты запреты. Бешеные гонки по улицам. Двери клубов, из которых выплескиваются на улицу лужицы неоправданно-радостных одурманенных людей с расширенными зрачками. Не далее как вчера, последним рейсом перед сном, Лора везла из одного клуба в другой свою постоянную пассажирку Алису. Как она утром добралась до дома и добралась ли? После скоропалительного брака и развода с мужем-бизнесменом, у которого Алиса умудрилась откусить изрядный кусок благосостояния, эта рыжеволосая нимфа пустилась в безудержное веселье, будто жила на планете последние деньки и стремилась испытать все по максимуму. С нею, с ее восторженными или усталыми, снисходительными рассказами в жизнь Лоры иногда входили клубные музыкальные сеты, а Город оборачивался средоточием ночных заведений, вечеринок и пентхаусов, яхт-клубов в Стро-

гине, премьер, дегустаций дорогих коньяков и виски и бутиков в Столешниковом, Камергерском и на Тверской.

Если все эти миры как-то и пересекались, то лишь здесь, в салоне Лориного такси.

Если бы внутри нее все не так заledenело, она могла бы признаться, что ей это даже нравится. Нравится быть проводником. Когда долго вглядываешься и прислушиваешься к Городу, он и все его обитатели открывают свои тайны, как ларчики, медальоны и табакерки. Проговариваются. Так, Город однажды проговорился, что на Таганке есть дворик, проскочив которым, можно миновать огромную ежевечернюю пробку (навигатор этого пути не знает, Лора специально проверяла у знакомого таксиста возле вокзала, пока ждали клиентов). Улицы проговариваются о своем местонахождении, потому что некоторые расположены по сторонам света и общему ощущению, почти по ассоциации: на севере холодные названия Енисейской, Ангарской, Берингова проезда и проезда Дежнева, на юге жаркие Таганрогская и Краснодарская, Ставропольская, Кубанская. Одни твердят о своих обитателях, по чьим знаменитым именам названы, другие вздыхают о легендарном минувшем, когда еще делились по промыслу: Мясницкая, Пушкирский, Печатников, Звонарский.

И люди проговариваются. В таксистке они видят бесплатную психологическую помощь, непременно хоть раз в день у кого-то из пассажиров срабатывает синдром попутчика, незнакомца из поезда, которому можно выложить всю жизнь без прикрас и купюр: шанс увидеться повторно ничтожен. Советов Лора почти никогда не дает, считая себя последним из тех, кто способен что-то посоветовать, но слушает всегда внимательно. Тем более что из обширного житейского опыта знает: люди никогда не следуют чужим советам, предпочитая топтаться по собственным граблям.

На Сретенке, остановившись на светофоре, Лора опустила стекло, и утренний, еще не успевший наполниться выхлопами воздух проник в салон. Язык на все лады начал пробовать название улицы. Сретенье... Встретенье... Встретить. Встреча...

«Сретенка – место, где встречаются, – шепнул Город лукаво. – Кому как не тебе знать...»

«Как хорошо...» – делая вдох такой глубокий, что закололо в боку, успела подумать Лора, и воспоминания тут же настигли ее, без спроса, без предупреждения, ослепительным всполохом майского дня четырехмесячной давности.

Тогда только что прошумел веселый дождь, листва на бульваре распускалась так стремительно, что это было почти видно глазу, будто мотыльки раскрывают мятно-зеленые крылья. От внезапного ливня по всему городу дорожное движение встало, и Лора оказалась заперта на Сретенке, без пассажиров, что было очень кстати. Пробки она не любила, но кто их любит? По крайней мере, рядом не было незнакомца, болтающего о ерунде. Машины перемещались рывками, блестя мокрыми багажниками и капотами, дворниками стряхивая с себя водяную пыль, как псы, вылезшие из пруда. То и дело раздавался визгливый лай клаксона, обычная дорожная ругань нетерпеливых.

Наконец впереди слева образовалась лагуна, и Астанина, не задумываясь щелкнув рычажком поворотника и коротко взглянув в боковое зеркало, стала перестраиваться в другой ряд. Она бы ненамного продвинулась, но в пробке даже иллюзия движения приносит облегчение. Маневр получился довольно резкий, неожиданный – и еще более неожиданным оказался близкий рев мотоциклетного двигателя и скрежет. Внутри автомобиля звук столкновения ни с чем не спутать, он оглушающе громок. Как будто алюминиевую банку из-под пепси смяли. Сердце Лоры мгновенно прилипло к спине и холодно намокло.

Все было очень отчетливо и почти мгновенно, но до жути заторможено. Открытая дверь, капли дождя на заднем крыле и возле бензобака (серый перламутр), бампер, почему-то очень длинный, бесконечная плоскость бампера, и страшно отвести от него глаза. Но при-

шло. Синий мотоцикл лежал между Лориным «Рено» и грязным «Ниссаном», притихший зверь посреди мира, который было замер, но уже возобновлял свое верчение по всем осям. Выскакивал водитель «Ниссана», приближались прохожие...

На асфальте лежал человек. Уже не лежал даже, а привставал на локте. Лора не заметила его лица, только рану на ноге, зияющее красное в рваной рамке джинсов. Она остановилась, зачарованная этой зловещей краснотой, и в ушах пропал звук.

Кровь. Целой жизни мало, чтобы забыть ту, другую кровь. Но у всех людей она одинакова. Одинаковая кровь, точно такая же красная, жидкая, бесцельно текущая, одинаковая... – эта мысль захлебнулась в голове, не в силах выбиться из замкнутого круга. Опять Лора стала причиной крови.

Она стояла, оцепеневшая, бесчувственная. Другие помогали парню сесть. Водитель «Ниссана» орал что-то, и брызги слюней, кажется, летели в Лорину сторону. Не важно, она все равно не чувствовала. Не слышала. Только видела и не могла отвести глаз, не могла не смотреть.

– Сажать таких надо! – вот первое, что пробилося сквозь густую пелену ее тишины. Она медленно, как под наркозом, повернула голову в сторону слов, но не поняла, кто это произнес. И не захотела уточнять. Ее взгляд вернулся к пострадавшему мотоциклисту.

На нем была черная кожаная куртка, не та, которую прославили рокеры, а скорее, пижонская, из тончайшей кожи мягкой выделки. Сейчас слева она была покрыта белесой дорожной пылью, но не порвана. Из такой бы перчатки шить. Узкие ряды стежков, декоративных, ровнехоньких. Если протереть кожу влажной тряпочкой, то и следов не останется от падения... Другое дело – джинсы. Не зашить, не отстирать. Впрочем, рвань нынче в моде. Кажется. Или уже нет? Красная-красная рвань...

– Аптечка есть?

– А?

Лора взглянула на говорящего. Сам мотоциклист. Она и не заметила, что подошла вплотную и почти нависла над ним, заколдованная его кровью.

– Аптечка? Есть у тебя аптечка?

Долго и бесцельно искала на заднем сиденье, бродила руками по полосатым черно-белым чехлам, – в итоге нашла в багажнике. Вернулась и протянула парню пластиковую коробку с красным крестом на крышке. Парень запрокинул голову, чтобы посмотреть на Лору. Солнце пробилось сквозь тучи, кровь стала алее, а глаза парня оказались почти фиолетовыми. В эту секунду Лоре могло привидеться что угодно, но привиделась усмешка. Не говоря ни слова, мотоциклист взял аптечку, раскрыл – пальцы его сильно дрожали – и быстро перебрал содержимое. Опустившись на бордюр и по-прежнему не улавливая половины звуков вокруг, Лора следила, как розово пузырилась перекись. Потом мотоциклист туго бинтовал рану прямо поверх джинсов, давил ладонями содержимое охлаждающего пакета, оборачивал его бинтом и, морщась и прикусывая губу, накладывал на рану. Лора все глядела не отрываясь.

– Надо шить, – то ли себе, то ли ей сообщил он.

Не спрашивая, он схватился за ее локоть и, сильно налегая, поднялся на здоровую ногу. Лора оловелым взглядом обвела немногочисленных зевак. Кто-то снимал видео на телефон. Водитель «Ниссана», кажется, успокоился. Плюнул на мостовую:

– Эй, парень! Свидетель нужен?

– Разберемся, – процедил сквозь зубы мотоциклист. Его лицо стремительно побледнело, и Лора почувствовала, как сжались пальцы вокруг ее локтя. – Подбросишь?

– Куда? – не поняла она.

– Ну ты даешь, мать, – попытался усмехнуться парень, но его сильно качнуло, и наметившаяся было улыбка сползла с губ.

Откуда ни возьмись, вдруг появился второй мотоциклист, огромный бородач свирепого вида. Ветер от быстрой езды растрепал длинные вьющиеся волосы: шлема на нем не было.

– Севка! – кинулся громила к пострадавшему мотоциклисту.

– Порядок, Серега, порядок. Я в норме.

Черными глазами Серега вперился в Лору. Она почувствовала, что сейчас ее перешибут одним ударом ручищи. Не дожидаясь этого, мотоциклист крепче сжал ее локоть:

– В травмопункт. Поехали.

– Я не знаю... где он, – выдавила из себя Лора первую осознанную фразу.

– Дура, тут Склиф за углом! – вскинулся на нее огромный Серега. Он был темен и лохмат, как волкодав.

– Серега, ключи от «Ямахи»... – мотоциклист долго шарил по карманам, потом озадаченно обернулся на все еще лежащий у обочины мотоцикл. – Там.

– Не вопрос, – хмуро кивнул Серега.

Лора почти не запомнила путь к больнице. Она не могла сосредоточиться на дороге, мысли блуждали в потемках, нос щекотал острый ржавый запах свежей крови, наполнивший салон. Было не понятно, чувствует ли она его в самом деле или это воображение и память играют с ней злую шутку, заставляя вспоминать «любимый» ночной кошмар.

В приемном покое, посреди кафеля, линолеума, бледной больничной краски и коричневых дерматиновых лавок, овеваемые запахом хлорки, сидели новоиспеченные калеки всех мастей, с опухшими носами, сломанными руками, подбитыми глазами, затекающими водянистой пухлостью. Мимо быстро и деловито провозили каталки с теми, кому ждать уже нельзя. С мотоциклистом Лора не разговаривала. Во рту было сухо и липко, а в душе тоскливо, и хотелось спрятаться. Жаром выжигало все разумные мысли, оставались только смутные животные потребности, например забиться в конуру где-нибудь подальше отсюда. Очень хотелось спать.

У парня начали клецать зубы.

Лора не хотела на него смотреть. Ей и без того хватает плохих образов, что всплывают каждую ночь, стоит смежить веки. Но вслед за кровью и сам мотоциклист стал зачаровывать, притягивая ее взгляд. Лора повернулась к нему даже от окна с мясистым цветком в кадке, куда отошла сразу, как усадила парня на скамью. Почему фикусы так жадно и радостно растут в больницах? Их питает вид человеческой боли? А это растение... такое, с большими листьями и ладошками белых соцветий... как же оно называется? Бабушка звала его «женское счастье»... Как отдергивают руку от горячей плиты, Лора отдергивала взгляд от сбитого парня, но тут же возвращалась обратно, замечая каждый раз новые штрихи. Было в облике мотоциклиста что-то несоответствующее, будто куски двух разных мозаик в одной коробке. Джинсы и кожанка – от первого пазла. Белая рубашка с острым от крахмала воротничком и серый, ладно скроенный жилет – от второго. Едва выглядывающий из-под манжеты рукава краешек татуировки, занимающей, должно быть, целую руку, а при этом стрижка явно салонная, модная, волосок к волоску лежит мягкая, чистая и густая шевелюра. Да и сами волосы – черные, тогда как глаза не то голубые, не то фиолетовые, того редчайшего фиалкового оттенка, что почти никогда не достается брүнетам.

Лора почувствовала, как кто-то тянет ее за рукав. Рядом стояла цыганская девочка, чумазая, лет двенадцати, но очень худенькая. Цветастый подол ее явно не по росту юбки обмахрился и волочился по полу, несмотря на то что юбка была подпернута под самые ребра.

– Дай денег, – просто и безыскусно обратилась она. Лора нахмурилась и мотнула головой. Девочка насупилась и принялась ковырять пальцем в цветочном горшке. Почва в кадке была покрыта серым кристаллическим налетом от частых поливов жесткой водой.

– А почему у тебя на руках кровь? – поинтересовалась девочка как бы между делом. Лора вздрогнула и рывком развернула вверх ладони. Чистая розоватая кожа, испещренная линиями непрожитых событий.

– Мальчик скучает без мамы. Дай денег, скажу больше... – продолжала девочка. Чувствуя, как внутри все замерзает, Лора в смятении оглядела приемный покой. Из дверей кабинета, ковыляя на костылях, вышла цыганка с загипсованной ногой и окликнула девочку. Та перестала вычищать черноту из-под ногтя, в мгновение ока оказалась рядом с матерью и повела ее к выходу. Лоре хотелось их окликнуть, но вместо этого приблизилась к мотоциклисту. Он сидел, прислонившись затылком к стене, его зубы продолжали стучать, а на щеках проступали желваки, когда он стискивал челюсти.

– Эй... ты как? – пробормотала Лора. Он ответил, не открывая глаз:

– Анальгинчику бы. Раздобудешь?

– Да, – с неприличным воодушевлением Лора рванула по коридору.

Бесконечная череда линолеумных стыков, бетонных порогов... Потом влажные пятна на крыльце, красно-белые машины, люди в халатах – и свежесть дождя. Он ведь совсем еще недавно умывал улицы... До всего этого.

Лора завела двигатель и опустила ногу на педаль газа. Только в Замоскворечье до нее вдруг дошло, что, уходя из приемного покоя, она отправлялась искать анальгин в аптечный киоск. И не вернулась.

Было стыдно, совесть не хотела заключать никаких сделок, но Лора упрямо моталась по городу во все концы, нарочно избегая Садового кольца возле Института скорой помощи. И думала, думала, думала... Откуда девочка-цыганка знала?.. А она знала ли? Как она вообще могла знать? Про кровь, про мальчика... Надо было догнать и спросить. Нет, надо было дать денег, тогда девочка бы вообще об этом не заикнулась. Или, наоборот, рассказала бы больше, все, что увидела в Лоре. Почему она не дала цыганке денег?

Лора часто помогала тем, кто нуждается. Или думала, что помогает. При этом она руководствовалась каким-то своим, не очень объяснимым чутьем. Этому нищему дать полтинник, а мимо того пройти, словно не замечая. Сейчас Лора впервые всерьез задумалась, почему поступает подобным образом. Она не любила попрошайек. Если видела, что человек просит денег – именно просит, пристает, а не стоит, понурившись, – ни за что не раскрывала кошелек. Инвалидов, что в пробках заглядывают и стучат в окна стоящих автомобилей, она всегда игнорировала, особенно когда поняла, что из месяца в месяц инвалиды все те же, одни знакомые лица, и это их работа, как ее работа – возить пассажиров. Как игнорировала и женщину с большим животом, два года подряд стоящую у Китай-города и просящую милостыни «на ребеночка». Живот ее за это время не выросал и не уменьшался. Лору вид подобных людей оскорблял, хотя она и пыталась себя ругать, мол, негуманно, не от хорошей же жизни они так... Зато обязательно совала купюры в пластиковые стаканчики из-под сметаны, что подрагивали в скрюченных лапках старушек. В этот момент кровь ударяла в голову, накатывал гнев на всех тех, кто позволил пожилым людям побираться... Но на кого именно? На их ли детей, бросивших собственных родителей в старости?.. На государство? Пустые, бессмысленные вопросы. Не ей заниматься такими размышлениями, уж точно не ей.

Она припомнила, как однажды видела нищенку, что сидела на церковной паперти с рассвета до заката, согнувшись в три погибели, крестясь и иногда припадая лбом к каменным плитам. Лица ее было не разглядеть из-за намотанного слоями тряпья. Поздним вечером, когда людей в переулке почти не было, нищенка поднялась, разминая суставы, отставила в сторону картонку с обращением и банку с мелочью, и принялась снимать покровы. Первым делом стянула рукавицы, и руки у нее оказались вовсе не морщинистые. Когда с плеч соскользнула последняя серая шаль, в переулке стояла уже не старуха-нищенка, а обычная женщина, Лорина ровесница.

– Чего пялишься? – буркнула она притихшей у машины Лоре. Та пожала плечами. Женщина быстро скомкала обноски, сунула в большую авоську и бодро зашагала к остановке, задержавшись только у ларька, чтобы купить банку пива. На Лору она не обернулась, ей было все равно.

Астанина помнила и то, как дома завела целую коллекцию гераней. Приносила она их крохотными саженцами в обрезанных пакетах из-под ряженки, и муж все удивлялся такому рвению: Лора не любила цветов. А ей просто было неловко сказать, что она покупает герани у бабушек, торгующих возле метро всем, что под руку попадет: старыми книгами, шерстяными носками, комнатными растениями. Герань ведь можно размножить отростками до бесконечности, а для бабушек это единственный доход. Получают ли они пенсии, Лора не задумывалась.

Время от времени она давала денег уличным музыкантам – даже если плохо играли. Иногда, правда, исполнение заслуживало консерватории, но такое случалось редко и чаще всего со скрипачами, в переходах под центральными улицами. Лихих исполнителей не то в мексиканских, не то в индейских костюмах, гастролирующих по улицам города одной и той же труппой, от Нагорной до ВДНХ, она обходила стороной, но всегда – со скупой улыбкой. На широкую она просто не решалась. Однажды, к вечеру припарковавшись на окраине, после того, как высадила очередного пассажира, видела мужичка в засаленном бушлате. Он сидел на оградке газона и играл на инструменте, которого Лора поначалу не признала. Потом присмотрелась – пила. Обычная пила с зубьями, металлическая, гнутая, как парус. Мужичок извлекал из нее нечто, не называемое музыкой при всем желании, звук протяжный, заунывный, всю душу выматывающий своей тоской. Он дрожал между гудением и свистом, ни на что не похожий, странный и неприятный, и от него волосы вставали дыбом, как от поминовения мертвых...

Зря она не дала цыганке денег, ох зря. Лора уже не была уверена, правда ли девчонка существовала или это совесть ее явилась мучить и терзать, а потребность дать денег – просто желание откупиться, умиловить злую жрицу, заставить ее замолчать. Выторговать себе хоть день покоя. Но нет, поздно. Обтрепанный цветастый подол метет тротуар где-то: далеко ли, близко ли, может, всего в квартале отсюда, но – не здесь и не сейчас. Поздно.

Всю ту ночь, что последовала за встречей на Сретенке, Лора не выпускала из рук баранку. Произошедшее не было похоже на нее, слишком уж сильное впечатление произвела на нее немудреная ситуация с аварией и больницей. Ведь научилась же она не терять присутствия духа в самых разных ситуациях, а бывали-то они и совсем безнадежными. Можешь отложить истерику на потом – отложи, говорила она себе. А вот кровь, как выяснилось, ее парализует. Лора стремилась выбросить сбитого мотоциклиста из головы, и за три дня, что промелькнули следом, почти не вспоминала о нем. За его жизнь она не волновалась, и хотя мерзко было признавать, что она смалодушничала, бросив его без обезболивающего, но все же хотя бы до больницы довезла. Не помрет.

На четвертый день тягостное впечатление полностью ушло из ее сердца. Выходя из подъезда, она даже позволила себе перепрыгнуть через две ступеньки, совсем как ребенок. В руке у нее позвякивали ключи, день обещал быть солнечным, а майский праздник сулил большую выручку. И если хорошего настроения у нее и не бывало никогда, то теперь было – нормальное. Именно в это мгновение двор огласили истошные вопли сигнализации. Кричал ее «Рено», и ему тихоньким попискиванием вторил брелок.

Рядом с машиной, привалившись к ней плечом, стоял мужчина, которого Лора сперва даже не узнала. От него веяло уверенностью, а половину лица скрывали очки-авиаторы с зеркальными стеклами.

– Отойдите от моей машины!

Мужчина медлительно снял очки, и только тут Лора наткнулась на фиолетовый взгляд и сообразила.

– Это вы!

– А это, без сомнения, вы, – насмешливо отозвался давешний мотоциклист. – Мы так и не успели познакомиться. Я Сева. Корнеев.

Протянутая рука с узким запястьем и аккуратными ногтями осталось не пожатой.

– Что вам надо? – в лоб спросила Лора.

– Какая вы напористая. А в прошлый раз были притихшая, – продолжал с улыбкой говорить он. – Имя свое не скажете?

– Нет.

– Плевать, я и так знаю. Элеонора. Коротко как? Нора? Эля?

– Вообще-то Лора, но это не важно. Как вы меня нашли? И главное, зачем?

– У меня обширные знакомства. А если продолжать знакомиться с людьми, как вот мы сейчас с вами, то круг этот все расширяется и расширяется, – он обвел на глянцевой крыше кривоватый овал, продолжая увеличивать его по спирали, потом потер подушечку указательного пальца, стирая пыль. – Разве не здорово?

– Пришли высказать все, что вы обо мне думаете, за то, что я оставила вас без анальгина? – усмехнулась Лора. – Не слишком ли много возни ради такой мелочи?

– Вам стыдно, – понимающе кивнул парень. – И зря. Вы привезли меня в больницу, а не смылись под шумок. А я не из тех, кто распускает нюни по таким пустякам. Хотя, надо сказать, анальгин бы мне тогда пригодился, болело жуть.

Лора, не отвечая, открыла машину и села на водительское место, но дверь не захлопнула. Парень обошел кругом, едва заметно прихрамывая, и облокотился на стойку. Он почти навис над ней и молчал, и только улыбался одними глазами, изучая Лорино лицо. Ее это буквально взбесило. Но в самой глубине за гневом притаился страх: а что, если парень знает не только ее имя, но и всю историю. Или часть истории, одну только фактологическую, документальную часть, что еще хуже, ведь факты безжалостны, как жесткий свет прожектора, от которого все становится плоским, без полутеней и глубины. Лора стиснула зубы, заставляя себя успокоиться.

– Если вы думаете, что я хотела сбежать... от ответственности... – Лора вышла на второй круг. – То вы ошибаетесь! Я здесь, и готова ответить. Можете вызывать меня в суд или можем уладить...

– Хотели сбежать, и сбежали. Только не от ответственности, – простодушно перебил он. И вдруг взглянул внимательно, так прямо, что сократил расстояние между ними, не приближаясь при этом ни на миллиметр. – Вы от страха сбежать пытались.

– Я не боюсь! – вздернула она подбородок. – Хотите, хоть сейчас поедем к дэпээсникам. У вас нет страховки? Можете даже заявление на меня накатать.

– Да при чем тут это. – Он досадливо поморщился. – Вы испугались не меня! Не больницы. И даже не крови, хотя у вас с ней странные отношения. Женщины обычно к крови привычны, в силу физиологии, но тут другое. Вы испугались каких-то воспоминаний. Авария навевала что-то, что вы предпочли бы забыть. Но все-таки помните. Вас это доканывает. Вам страшно, вот вы и бежите.

– Всего хорошего. – Лора как ошпаренная захлопнула дверь и завела двигатель. Парень легонько хлопнул ладонью по крыше, словно собственноручно отправляя Лору в рейс.

Чего она только не передумала. Мысли носились, как опилки по ветру, и у подобранной на обочине пассажирки ей пришлось дважды переспросить адрес, потому что название переулка и номер дома никак не желали держаться в голове, занятой совершенно иным. Дама разнервничалась:

– Вы что, недавно водите?

– Как сказать.

В первые же минуты поездки дама продемонстрировала руки, униженные перстнями, сумочку из кожи какой-то рептилии и снобистские воззрения на весь окружающий мир. Она рассуждала о том, как невоспитанны люди, какое среди них попадается «быдло и хамло», и тут же припомнила недавнюю схватку с официантом в ресторане: тот не принес специальный стульчик для ее сумки.

– Представляете, – фыркнула она, – заявил, что не имеет представления о таких стульчиках! А между тем по этикету дама не может ставить сумочку на свой стул или колени. Вы знали об этом?

– Нет, – отозвалась Лора, сворачивая под мигающую стрелку на проспект Сахарова.

Дама пожевала губы.

– В любом случае уж спорить со мной ему явно не следовало. Обслуга должна знать свое место!

Лора предпочла промолчать и вместо ответа щелкнула магнитолой. Салон наполнили звуки «Лакримозы» Прайснера¹, не с начала, а где-то уже на второй минуте, когда голос и мелодия взрываются космическим воплем скорби. И Лора не смогла отказать себе в удовольствии взглянуть украдкой на вытянувшееся лицо пассажирки. Оперное пение любят единицы, Лора из их числа, а вот дама – нет. Но признаться в этом теперь, после всего сказанного, ей не позволит снобистская гордость. «Значит, так и поедем, под роскошное сопрано...» Хоть Лора получит наслаждение: когда еще удастся послушать музыку, не одной – а с кем-то.

– Какая вы странная. Обычно таксисты слушают шансон, – после того как окончилась музыка, выдавила из себя дама.

Несколько минут ее слышно не было, как вдруг ее голос раздался снова:

– Вам не кажется, что за нами следят?

Ну вот, к тому же параноик и любительница детективов, иронически заметила про себя Лора, но ее излишне самостоятельные глаза пугливо мазнули по зеркалу. Машины позади них менялись исправно, кто-то сворачивал, кто-то...

– Вон тот мотоцикл. Едет за нами с того места, как я села! – Женщина беспокойно ерзала, обернувшись и схватившись рукой за спинку кресла.

– Это... мой знакомый, не волнуйтесь. Договорилась, что покажу ему... один магазин, – на ходу принялась сочинять Лора. Конечно, она узнала мотоциклиста и синюю «Ямаху». Черт бы его побрал!

– Предупреждать надо, – проворчала пассажирка. Шестую симфонию Малера, ля-минор, слушали в молчании.

Сначала Лора сердилась. Высадив женщину, она припарковалась и хотела было пойти пообщаться с парнем хорошенько, но тут возник еще один пассажир. Брать клиентов «с борта», а не по вызову было куда выгоднее: ехали они чаще недалеко, а неучтенная оплата шла целиком в карман Лоре.

Мотоциклист – Сева, кажется? – не отставал, но по крайней мере новый пассажир не замечал преследования, погруженный в собственные заботы. Раздражение Лоры отчего-то вдруг сменилось любопытством: и ведь вздумалось ему за ней кататься. Что за глупость? И насколько его хватит?

Постепенно она втянулась, и ей даже начало... нравиться? По крайней мере, при перестроениях она выискивала в зеркалах не только тех, кто может пойти на обгон, а стекло опустила явно не только для того, чтобы насладиться в полной мере выхлопными газами – чуткое ухо выискивало рокот мотоциклетного двигателя. То удаляясь, то приближаясь, он даже

---

¹ «Lacrimosa» – часть реквиема, католической заупокойной мессы. Збигнев Прайснер (1955 г.р.) – польский композитор.

стал напоминать ей шум прибоя, его новой, неведомой разновидности: прибой городской обыкновенный, еще одна деталь подводного мира дорог. А на перекрестке Лора поймала себя на том, что притормаживает на мигающий зеленый, вместо того чтобы проскочить. Ей не хотелось признаваться, что она сделала это нарочно, словно ехала не одна, а в автоколонне.

Он оказался очень терпеливым, этот Сева, даже слишком, так что наконец на смену Лориной веселости пришло недоумение. Остановившись перекусить на Кожуховской (здесь, помнится, она покупала зимнюю резину для малыша-«Рено»), Лора направилась к синей «Ямахе», тут же покорно подрулившей к обочине. Парень снял шлем и растопыренной пятерней прошелся по смоляным волосам.

– Тебе больше заняться нечем? – развела руками Лора. Вместо ответа он протянул ей большого красного петушка на палочке:

– Он вкусный. Самые вкусные в городе петушки продаются в Парке Победы, возле танков. Это чтоб ты знала. Я купил, пока ты ждала своего пассажира, того пузанчика.

Астанина взяла леденец. Демонстративно выбросить его в урну, как она хотела еще секунду назад, у нее не поднялась рука: солнце играло в стеклянно-красной сахарной толще так празднично и задорно, как в детстве. Она покрутила палочку, и петушок флюгером завертелся вокруг своей оси.

– Зачем ты меня преследуешь?

Парень потер лоб двумя пальцами и помедлил, прежде чем ответить:

– Я хочу тебе помочь. И могу.

– Помочь? Очень смешно, – сардонически фыркнула Лора. – Тебе денег надо? За поцарапанный байк?

– Да не надо мне никаких денег! – рассердился парень. – Говорю же, хочу помочь. Сколько можно долбить одно по одному!

– И в чем же мне надо помогать?

– Если бы я знал... – Он вздохнул. Сейчас он выглядел таким растерянным, и Лора его даже пожалела. Всего на мгновение. Он показался ей до неловкости молодым, юным, порывистым и каким-то тонким. Легким. Узкая фигура, затянутая в черную кожу куртки, мускулистые ноги в песочного цвета вельветовых брюках, особенно плотно сидящих в том месте чуть выше колена, где под тканью угадывалась медицинская повязка, а руки с длинными пальцами, совсем небольшие и сноровистые, такие, наверное, бывают у отличных воров-карманников. Рядом с ним Лора показалась себе слишком массивной и нелепой и едва сдержалась, чтобы не поежиться. Парень вздохнул еще раз и предложил:

– Может быть, погуляем по городу? Смотри, какой день. Праздник же! Посидим в кафе... Наедемся пирожных. Взбитые сливки с клубникой. Корзиночки с мармеладной начинкой и масляным кремом, а? Любишь пирожные?

– Нет.

– Врушка. Все любят пирожные. Ну да ладно, будем пить пиво и есть кольца кальмаров.

– Я не хожу по свиданиям. Так ты мне уж точно не поможешь! Ни в чем, – отрезала Лора почти свирепо.

Сева задумчиво взглянул в чистое небо и произнес:

– Откуда тебе знать.

Она знала. Отношения с мужчинами для нее под запретом. Собственно, после мужа у нее никого не было, и Лора давно решила, что так должно оставаться и впредь.

– Ты заявляешься невесть откуда и намекаешь, что лучше меня разбираешься в моей жизни? – сощурилась она недобро. – А при этом не понимаешь ровным счетом ничегошеньки.

– Ты удивишься, как много... – начал Сева, но Лора перебила его:

– Что, начитался каких-то документов, мое досье? У тебя есть знакомые в паспортном столе? Или в полиции?

– Из точных данных я знаю только твое имя, год рождения, номер водительского удостоверения и машины. На этом все. Но, – продолжил он, и брови его многозначительно приподнялись, – я могу сказать много про тебя, просто так, навскидку. То, что я в тебе вижу. Хочешь?

Лора не была уверена, что хочет. Но промолчала.

– Ты недолюбливаешь стражей порядка. Ты слишком часто упоминаешь их для человека, который о них вообще не думает. Но при этом ты довольно осторожна, стремишься не попасть в их поле зрения. Значит, ты либо наркокурьер, либо проблемы с законом были в прошлом. Что занятно, – хмыкнул Сева. – Тени и пятна делают биографию выразительнее. Далее! Очень неприятные воспоминания связаны у тебя с кровью, это я уже говорил. Мужчин ты опасаясь, вероятно, в прошлом тебя сильно обидели. Но не испытываешь к ним пиетета, они для тебя обычны, тебе понятен ход их мыслей, так что кажется, что ты росла с братьями или братом. И вообще жизненный опыт у тебя обширный, хотя и безрадостный. Ты почти не можешь видеть детей, от того покусанного доbermanом мальчонки в Склифе, которого притащила старшая сестра, ты шарахнулась в другой конец коридора, к окну с пальмой или с фикусом, я не разбираюсь в ботанике, да там и отсиживалась. Но это не потому, что ты ненавидишь детей, а потому, что по кому-то из них тоскуешь настолько нестерпимо, что любого маленького человечка тебе видеть больно. Возможно, бывший муж отсудил у тебя ребенка.

– Достаточно, – прервала его Лора. Ладони ее взмокли, а сердце тяжело и горячо билось в ребра, мешая легким разворачиваться от вдоха. – Давай-ка лучше я расскажу про тебя!

Ей хотелось его уязвить, и побольнее. Сева производил впечатление баловня, человека, который привык к благосклонности окружающего мира, потому что умел сам возбудить эту благосклонность к себе. Так бывает с любимыми детьми, с одаренными и обаятельными личностями, которые не сталкивались с большой утратой, нищетой или болезнью, то есть со всем тем, что есть в мире несправедливого и жестокого. Приветливый, вежливый с незнакомцами, он очень быстро сокращал дистанцию во время общения, но фамильярностью это не казалось, потому что порывистость его не вызывала отторжения, поскольку была абсолютно искренна. По крайней мере, так казалось.

Но Астанина была слишком испугана и сердита, чтобы по достоинству оценить эти качества. Она принялась рубить, не выбирая выражений, с наслаждением предвкушая, как вытянется приятное лицо Севы, когда она закончит:

– Ты любимчик родителей. Весьма состоятельных. Или первенец, или единственный ребенок в семье, с детства не знал ни в чем отказа. Золотой щенок. Пижон, ты любишь хорошие вещи и не задумываешься, сколько они стоят, потому что не знаешь цену деньгам – сперва тебе все давали родители, потом они дали тебе образование, и ты стал защищать монету сам, не зная ни о МРОТах, ни о потребительских корзинах, ни о размере пенсий и пособий. Что это для тебя? Пустой звук! Таким глупостям нет места в твоей лощеной жизни. Профессия? Явно непыльная, ты не работаешь в офисе и не знаешь, что такое просиживать штаны, с девяти до шести тарашась в перегородку. И вообще складывается впечатление, что ты бездельник. Может, журналист или какой-нибудь свободный художник, фотограф, это нынче модно, все подались в фотографы. Ты то, что называют модным словом «фрилансер», угадала? Ты любишь мотоциклы, чтобы казаться круче, а на сурового байкера не похож. Даже твои татуировки – это скорее понты, чем осознанный выбор. Мне продолжать?

Она ждала, что Сева... Обидится? Или станет насмешничать, обороняясь. Но Сева стоял к ней вполоборота, и его тонкие губы чуть вздрогнули от улыбки, а глаза стали мягкими, кроткими и полными неясного света, когда он взглянул Лоре в лицо.

– Лора-Лора... Нам определенно стоит пообщаться еще. Ты интересна, я чертовски интересен, помнишь, как в том фильме с Мироновым... «Обыкновенное чудо», что ли?

Словно подслушав его речь, между ними проскакал отчаянно смелый воробей, бойко чирикавая на ходу. Бабочки, которая «бьяк-бьяк крылышками», правда, не наблюдалось.

– Так что, вечером? Часов в восемь? – ошибочно принимая ее молчание за согласие, уточнил Сева и, не получив ответа, коротко кивнул и водрузил на голову шлем. Мгновение – и он был уже далеко, оставив Лору огорченно и чуть покаянно хмуриться.

И хотя к восьми часам она вернулась домой и приняла душ, никакая сила в мире не смогла заставить ее выйти из подъезда. Из-за пыльной, давно не стиральной шторы в мелкую желтую клеточку Лора выглядывала вниз, где Сева дожидался ее, присев на заборчик. Она видела, как он кинул кусок сосиски дворовой собачонке, как о чем-то болтал с бабками, вышедшими погреться на закатном весеннем солнышке, и поразилась, что бабки общаются с ним не угрюмо, а приветливо, и одна из них даже кокетливо поправила на голове платочек, а вторая запрокинула голову и разразилась смехом. Он вел себя совершенно естественно, расслабленно, без суеты, будто давным-давно поселился в одном из ближних домов и является достойным и благонадежным жильцом и добрым соседом. Не озирался по сторонам и по бесчисленным окнам, не глядел на часы. Когда в подъезд направилась соседка с коляской, Сева легко заскочил на высокое крыльцо и помог втащить коляску, а Лора вся обмерла: наверняка знает номер квартиры, сейчас поднимется и начнет трезвонить. Но нет, Сева вернулся к своему заборчику. Уехал он только в начале десятого. Выждав с пятнадцать минут, Лора отправилась на новый вызов.

06.37

Сворачивая на набережную возле сталинской высотки, готическим шпилем проткнувшей звонкое сентябрьское небо, Лора поняла, что часть ее, самый краешек сознания, все еще держится за недавно всплывший образ. Во время пробуждения она о чем-то подумала, что-то вспомнила, и это было подобно надписи на мок-ром песке, которую новые впечатления изглаживают, как набегающие волны прибоя: с каждым часом все больше, но неровный абрис еще заметен.

Может быть, Лора Астанина вспоминала о вчерашнем вечере? Куда вот она ездила перед возвращением домой? Отвозила Алису. Рыжеволосая красотка Алиса болтала, помнится, без умолку... О чем же? Да о том, что няня-филиппинка избаловала ее дочку, о новом, только-только вспыхнувшем романе с диджеем, с которым познакомилась за границей и к которому торопилась сейчас, во второй раз за семь минут проходясь шанелевской пудровой пуховкой по безупречному носу. От мрачной громады Дома на набережной они свернули в квартал «Красного Октября», где за старинными стенами из клейменого бордового кирпича скрывались бары, галереи и арт-кафе, а Алиса все тараторила, захлеб, стараясь успеть поведать Лоре, словно давней подруге, все подробности свежей любви. Кажется, других подруг у Алисы не наблюдалось: она не терпела конкуренции.

Лора внимательно прислушалась к себе. Нет, не то. Не Алиса, в этот ранний час спящая в своей или чужой постели, так берedit ее душу.

– Первый Саратовский, дом семь, – проговорила она вслух, стремясь вернуться к настоящему, и даже представила район, в который сейчас направлялась, чтобы забрать нового пассажира.

Им оказалась девушка лет двадцати. Она уже дожидалась у подъезда, переминаясь с ноги на ногу неловко и потерянно. Заметив машину, она замерла и следила глазами, пока

Лора парковалась у бордюра, но с места не двинулась. Наконец через силу сделала первый шаг и побрела неуверенно. Заглянула в приоткрытое окно:

– Вы такси?

Везти ее было недалеко, в Лефортово. И поскольку поутру клиенты, как и все люди в целом, менее склонны к отвлеченным беседам, Лора сделала радио погромче, потому что знала – только это уютное бормотание может рассеять ее хандру.

Девушка оказалась на удивление тиха. Она отвернулась к окошку и почти не шевелилась. Улучив момент, Лора оглядела ее непримечательный облик и глянцевого белого пакета с медицински-бирюзовым логотипом женской консультации, лежавший у нее на коленях. Сквозь него слабо просвечивали бланки с лабораторными заключениями и черное пятно снимка ультразвукового исследования.

Радиоведущий радостно пообещал ясную и теплую погоду на следующую неделю, желая всем первоклашкам – которые навряд ли слушали его сейчас – хорошего настроения и высоких оценок. Странно, ведь сегодня суббота: наверное, ведущий решил, что такое пожелание никогда не бывает лишним...

– Извините, а можно выключить? – спросила девушка. Ее голос прозвучал глухо.

Лора с готовностью повернула колесико регулятора громкости, пытаясь украдкой убедить в своих подозрениях. Девушка снова отвернулась, но все же выдала себя вороватым жестом, поднеся руку к глазам и быстро огладив их поочередно.

Сказать по справедливости, в такси плачут реже, чем в ЗАГСе и морге, но гораздо чаще, чем, к примеру, в автобусе, магазине или парикмахерской – особенно если парикмахерская приличная. Вот только молодые девушки обычно перемежают рыдания проклятиями, звонками подругам и чередой уничижительных сообщений тому, с кем произошла ссора. Эта плакала, беззвучно глотая слезы. Слезы со вкусом безнадежности.

Остаток пути они преодолели в крошечной тишине. Услышав сумму, девушка долго не могла совладать с купюрами и отделениями кошелька и вдруг проронила без предисловий:

– У вас есть дети?

– Наличие детей у меня нисколько не поможет вам решить свою проблему, – покачала головой Лора. Ей все стало ясно. Пассажира впервые взглянула на нее, удивленно, даже обиженно, и вышла из машины, не прощаясь. Она услышала в словах Лоры то, что хотела услышать: осуждение, которого там не содержалось. Обычно люди склонны судить поспешно, но Лора давно научилась одергивать себя: мало ли что в жизни этого человека лежит на чашах весов... У каждого свои весы и свои гири.

Через окно Астанина наблюдала за ней. Девушка размеренно шла к крыльцу медцентра, и каждый следующий шаг ее был медленнее предыдущего. За несколько метров до дверей она почти остановилась, заглянула в пакет, а потом двинулась вправо – ее словно клонило, утягивало, мимо живой акациевой изгороди и дальше, на набережную Яузы. Там она и замерла над коваными парапетами, уставившись на воду. С усталым вздохом Лора вышла из машины и двинулась к ней.

Когда ладони Лоры легли на прохладную пыльную черноту чугуна с завитками, девушка угрюмо воззрилась на нее из-под отросшей челки. Она была некрасива, впрочем, в этот час и в подобных обстоятельствах едва ли хоть кто-то может показаться привлекательным. Слезы уже подсохли, остались только краснота глаз и припухлость век.

– Как вас зовут?

– Можно на «ты». Я Варя, – безразлично отозвалась девушка.

В этом ответе Лоре почудилась заученность, безличность, как у какого-нибудь менеджера по продажам или телефонного консультанта. Она и сама не понимала, зачем спросила имя девушки. Зачем подошла – та ведь не собиралась топиться, просто бесстрастно

глядела на воду, собираясь с мыслями и силами. У Астаниной не было особого желания выяснять обстоятельства Вариной жизни и причины, вынуждавшие ее сегодня утром находиться тут. Гораздо важнее, какого лешего сама Лора стоит рядом. Она постаралась выдохнуть эту мысль прочь вместе с тяжелым дымом от закуренной сигареты.

Утки беспокойно крикали, перебирая перепончатыми лапами стылую воду, ворошили клювами раскисшую картонку, мимо проплыли, кружась, два кораблика из фиолетовой оберточной бумаги, плотной, гофрированной – странный выбор для бумажной поделки. На одном из корабликов был прицеплен розовый бантик из ленточки.

Варя по-прежнему молчала.

Окурок по широкой дуге перелетел через парапет и погас в воде, должно быть, с шипением, но в городском, пусть даже утреннем и субботнем шуме этого не было слышно, и помчался вдаль, подхваченный рекой вслед за фиолетовыми корабликами. Лора скосила глаза, заметила, как крепко Варя вцепилась в ограду, и после легкого замешательства накрыла ее руку своей ладонью. Кожа девушки оказалась почти ледяной, словно у утопленницы, которой та и не собиралась становиться.

– В любой передрыге нам всегда не хватает только одного человека, – проговорила Лора себе под нос. – Который пришел бы в самый темный час и сказал: «Если ты приняла решение, я поддержу тебя в любом случае. Это твое решение, и оно далось нелегко. Никто не имеет права подвергать его сомнению, ты знаешь лучше. Эту жизнь живешь ты, и никто не проживет ее за тебя, пока ты отсиживаешься в сторонке. Ты живи, а я просто буду рядом, поддерживая тебя».

Варя попыталась улыбнуться, но ничего путного из этого не вышло.

– Я хочу побыть одна.

Кивнув, Лора побрела к машине. Однако, прежде чем уехать, она зашла в медцентр и попросила администратора передать записанной на ближайшее время пациентке Варе номер ее телефона – если она появится на их пороге.

Судить других – самое опасное из человеческих увлечений. Чем больше Астанина жила на свете, тем чаще убеждалась в этом. Отправляясь по следующему адресу, она все еще везла с собой догадки и размышления о Варе, оставленной на набережной, багаж невесомый, но заполняющий собой всю машину целиком. Не нужно быть понятливым ежом, чтобы сообразить, что Варя решала в эти мгновения судьбу нерожденного ребенка. Но что влияло на это решение? Может быть, она боялась, что не сможет стать хорошей матерью, что не прокормит или не воспитает собственное дитя. Может быть, это было всего лишь неудобное последствие вспыхнувшей и угасшей страсти, или пьяного угара, или жестокого унижения. Может быть, медики поставили какой-то диагноз, нарисовали картину неутешительного будущего для младенца, полного болезней и страданий, – как отлично умеют делать все врачи, будто их этому специально учат в мединституте. А может, экзистенциальная тоска, упаднический настрой, так присущий молодым людям, только-только выскользнувшим из мягких лап детства, убеждает ее, что приводить в страшный и суровый мир еще одно человеческое существо, обрекая его на такую же тоску, – это преступление?..

Лоре почему-то показалось, что пройдут месяцы, возможно, годы, а частичка Вари так и останется – замершей над Яузой, впечатавшейся в Город, влившейся в ковку чугунного парапета. И каждый раз, проезжая мимо, краем глаза Лора будет замечать ее, колеблющуюся, все еще решающую и не решившуюся.

*...Дева над вечной струею
вечно печальна сидит².*

---

² Из стихотворения А. С. Пушкина «Царскосельская статуя».

Перед самой Лорой такого выбора не стояло.

Она родилась в рабочем городишке на дальнем краю Подмосковья, единственный ребенок бывшего военного Алексея Алексеевича Астанина, ветерана афганской войны, которого все знакомые звали не иначе как Лексеич, и его жены Зои, всю жизнь проработавшей продавщицей в гастрономе. Родители жили несчастливо, постоянно переругиваясь и покривая друг на друга, хотя до рукоприкладства не доходило. Отец Лоры был человек хмурый и немногословный, и большая часть того, что он говорил, адресовалась его супруге в ответ на бесконечные придирки, а тут уж он выражений не выбирал. Иногда, примерно раз в два месяца, Лексеич уходил в жестокий запой, и несколько дней сидел на общей кухне, опершись мозолистыми руками о колени в спортивных трико, и мутными глазами уткнувшись в пустеющую бутылку. Дом был фабричный, двухэтажный кирпичный барак старой постройки с двухкомнатными отсеками квартир, темной кишкой коридора с тусклой лампочкой, болтающейся на белесом проводе и паутинах, и единственной на этаже кухней, и когда мать приходила ругать отца или отнимать бутылку, это слышали все соседи.

Лора пропадала на улице целыми днями, чтобы не видеть дрызг и разборок, и водила дружбу с мальчишками. Она наравне с ними участвовала в уличных боях «двор на двор», ходила удить рыбу в пруду за Домом пионеров, шастала по заброшенным корпусам завода и в гараже копалась в рухляди, еще недавно бывшей «Запорожцем», «Москвичом» или «Днепром». В бойкой компании пацанов она была единственной девчонкой, и это как налагало определенные обязанности, так и давало привилегии. Впрочем, привилегиями она не пользовалась, а вот в автомобилях разбираться научилась замечательно и к окончанию школы могла исправить любую поломку – как в чуде отечественного автопрома, так и в иномарке. Пожалуй, единственное, чего искренне не понимали ее приятели, так это увлечения классической музыкой. Кажется, ее Лора полюбила в те достопамятные всей стране дни, когда «Лебединое озеро» из балета Чайковского превратилось в символ ломающейся эпохи. С той поры, идя мимо музыкальной школы, девочка замирала даже от неказистых звуков разыгрываемых гамм, в надежде услышать что-то стоящее, а позже стала забегать к одной из учительниц, чтобы переписать очередную кассету с оперой. Кассеты она покупала в лотке на рынке, там было много зубодробительной попсы, на которую классику приходилось писать вторым слоем.

Словом, этим своим увлечением она сильно выбивалась из общей массы расслабленных подростков, проводивших вечера на площади перед памятником Кирову под однообразные песни из бумбокса. Приятели шутили, что так она отработывает карму своего заморского имени. Слово «карма» в те времена тоже было популярно.

Бог знает, где Зоя Астанина отыскиала имя для дочери, но Лора считала, что Элеонорой ее назвали в порыве романтическом и довольно бестолковом, и спасибо, если не в честь героини какого-нибудь слезливого романа. В таком случае, родись она на несколько лет позже, вполне могла бы оказаться Изаурой. Лишь много лет спустя она узнала, что имя это произошло не то от греческого «элеос» – «сострадание», не то от провансальско-германского «алие» – «иной». Себя она скорее чувствовала чужой, чем милосердной, но с Алиенорой Аквитанской³ общего у нее было маловато. Да и навряд ли ее мать знала про Алиенору. Что до чуждости – Лоре всегда приятнее было с приятелями в гараже, чем с собственными родителями. Общий язык с ними так и не нашелся, и обе стороны не особенно старались

---

³ Алиенора Аквитанская (1122–1204) – герцогиня Аквитании и Гаскони, одна из образованнейших, богатейших и влиятельнейших женщин Европы своего времени, королева Франции и Англии, мать королей Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного.

в этих поисках. Как-то раз в шестом классе, во время ожесточенной хоккейной схватки на льду замерзшего пруда, Лоре прилетело со всего размаха клюшкой по носу. Что-то внутри хрустнуло и сместилось в сторону, и, пока кровь заливала ее лицо вперемишку со слезами, Ванька Пономарев тащил подругу в сторону дома.

– Куда? Больница в другую сторону... – прошамкала Лора, едва соображая от боли.

– Мамка твоя дома...

– И что? Она же не врач.

Ей и в голову не могло прийти, что в такой ситуации нужно *хотеть увидеть* маму. Что обычно дети так делают: ждут родительской ласки или ободрения. Ни на мать, ни на отца особых надежд она не возлагала и привыкла справляться сама.

В трезвые дни Лексеич был с дочерью дружелюбен, хотя и обходился без нежностей. Бывали редкие, реже солнца в декабре, мгновения, когда его глаза теплели, обращаясь к Лоре. Складно говорить он не умел, но и взгляда этого, особенного, мягкого, ей хватало с лихвой. Но чаще отец пропадал на многочисленных работах и подработках – то водителем овощебазы, то охранником в сберкассе, то слесарем. А то и вовсе выбирался на шабашки в столицу и однажды даже привез оттуда красивую розовую заколку, всю в блестках, стразах и крохотных стрекозках. Жаль только, что Лора за день до этого обрезала «лохмы», чтобы сподручнее было копаться в гараже в раскуроченных моторах.

Мать трудилась в гастрономе посменно, и именно благодаря ей в кладовке-«темнушке» иногда появлялись то мешок гречки, то стопка банок сгущенки, то жестянки сублимированного кофе и гранулированного чайного концентрата, а то и палка пахучей колбасы, вздернутая к потолку за бечевку.

Во время учебы в местном пединституте на отделении дошкольного образования Лора постоянно подрабатывала в автомастерской у того же Ваньки Пономарева, ее вечного приятеля и подельника во всех юношеских безумствах. Он даже стал ее первым мужчиной – из обоюдного любопытства, а не по великой любви. Впрочем, любовь была великая, и называлась она дружбой, и после проведенных на пономаревской даче выходных, полностью утолив жажду познания, они легко вернулись на предыдущий этап отношений, нравившийся им куда больше. Позже они только посмеивались над тем полузабытым, но очень забавным и честным опытом, который принес знание, но взамен не отнял ничего. Только спустя много лет Лора оценила, как ей тогда повезло: дружба не терпит влажных от страсти простыней. Придавленная ими, дружба выскальзывает еще до рассвета и обиженно уходит навсегда. В их случае она осталась.

Лора никогда не думала о себе как о красавице. Этому сильно способствовало приятельское окружение: не с кем было особо сравнивать, и Лора привыкла чувствовать себя самодостаточной. Конечно, никогда ее волосы не были такими пушистыми, плечики такими худенькими, а движения такими плавными, как у Светки Воронцовой, местной примы, но Светка нечасто попадалась Лоре на глаза. А высокий рост и широковатая кость не были проблемой в компании еще более рослых парней. На аппетит она тоже не жаловалась, но свежий воздух и постоянные физические нагрузки сделали свое дело – Лора росла довольно стройной и ловкой. В девятом классе у нее как-то необъяснимо быстро появилась грудь, причинив массу неудобств, когда девушка просто не понимала, как ей справиться с этим неожиданным богатством, куда его приложить. Поначалу она даже туго бинтовала грудную клетку, чтобы изменения в фигуре были не так заметны, ведь она прекрасно знала, как жадно ее друзья обсуждали одноклассниц после уроков физкультуры. Любимой забавой было подскочить неожиданно к одной из них, подцепить резинку бюстгалтера под футболкой, натянуть и отпустить, больно щелкнув бедолагу по спине. Но вскоре Лора наплевала на эти пустяки, а друзья – странно – не отпустили ни одной шуточки в ее адрес. Позже, в те памятные выходные на пономаревской даче, после того как Ванька вдоволь насмотрелся с востор-

гом на эти мягкие полушария под нежнейшим покровом кожи, Лора с удивлением поняла, что даже гордится своим телом. Оно было с ней в ладу, и ей это нравилось.

Однажды по весне, промозглым ветреным мартом, умер Алексеич, от разрыва сердца. Он пошатнулся во дворе, оперся о трухлявый верстак, ударил себя ладонью в грудь и рухнул на раскисшую землю уже мертвым. Спустя несколько месяцев мать собрала пожитки и отправилась в Одессу, где в хибарке у моря жила ее старшая сестра, тетя Маруся, ухаживающая за престарелым дедом. Квартира досталась Лоре, но к тому моменту дом уже достиг аварийного состояния, равно как и Лорино самоощущение. Ей было непереносимо видеть эту клеенку на столе, трюмо с растрескавшейся полировкой, паутину на швабре в общем коридоре – а больше всего кухню, плитки, кастрюли, щербатую раковину, куда ночью на водопой ходили тараканы, и табурет с круглой дыркой, на котором так долго просидел покойный Лорин папа. Дырку вырезал тоже он, давным-давно, чтобы под Новый год втискивать в нее колючий, затекший смолой ствол елки. Специальной подставки у них никогда не было, каждый год мать вздыхала нерешительно «Надо бы купить, а, Алексей?» – и никто не покупал.

Лора решила, что больше так продолжаться не может, и едва мать позвонила из Одессы, сообщая, что вполне обустроилась, как Лоры в квартире и след простыл. Она отправилась в Москву – куда же еще ехать Подмосковью...

Полгода промыкалась по съемным комнатам – зарплаты детсадовской воспитательницы отчаянно не хватало, а в автомастерских женщин особо не жаловали, даже с такой квалификацией. После очередного отказа Астанина непременно хмыкала про себя: ну да, равноправие в нашем обществе, как же... Все, чем промышляла Лора, – частный ремонт, то тут, то там помогая знакомым, коих было совсем немного, перебирать карбюраторы и покупать нужные запчасти. За одной из них, а именно за новым тросиком для подсоса, она и отправилась в недавно открывшийся автомагазин на соседней улице.

Пахло в магазинчике замечательно, по-родному, резиной от свеженьких покрышек, маслами, полиролью. Так пахнет автомобиль, который только-только сошел с конвейера. Однако из персонала никого не было, прилавков и пункт выдачи позади него пустовали. Лора прошла мимо стеклянных витрин, оценила опытным глазом ассортимент и осталась почти удовлетворена.

Еще один покупатель озадаченно замер возле стеклянного стеллажа с упаковками стеклоподъемников. Выпятив пухлые губы и наморщив лоб, он переводил взгляд с одной коробки на другую, с одного ценника на соседний. Лоре вдруг захотелось облегчить его задачу.

– Я бы взяла вот эти, итальянские... – Она кивнула в сторону ближайшей упаковки. Мужчина перевел на нее непонимающий взгляд, и лицо, довольно яркое, хотя и с мелкими чертами, приобрело вопросительное выражение. Лора пояснила:

– Стеклоподъемники. Вы же на них смотрите. Вот эти самые лучшие... по крайней мере из того, что здесь представлено.

Мужчина заулыбался, и Лора уловила не то хитринку, не то недоверчивость. Видимо, это потому, что ему вздумала советовать барышня, усмехнулась про себя Лора – и ее словно пришпорили:

– Производятся в Италии. Можно устанавливать в любую машину, в любую дверь, и переднюю, и заднюю. У них в движке встроен термopредохранитель, он защищает от перегрузки.

– А цена? Они ж на тысячу дороже всех остальных! – словно возмутился мужчина, хотя хитроватое выражение с лица не стерлось.

– Они того стоят. Лучшее довольно часто – самое дорогое, потому что качество требует затрат, – пожалала плечами Лора. – Впрочем, можно и попроще. Вот эти отечественные.

В отличие от многих других наших у этих нет изгибающихся элементов, значит, будут работать дольше. Позвольте....

Она проскользнула мимо мужчины к дальней части витрины и ткнула пальцем в очередную коробку.

– Смотрите, а вон в тех, видите, тоже электропривод, но тросовый механизм заменен на рычажный. Это значит, что его не «заест» от перекоса стекла. У вас какая машина?

– «Логан». «Рено».

Лора радостно встрепенулась:

– А, ну так это проще всего! Для них специально разработаны вон те. Кнопки управления с подсветкой можно установить в любом месте в салоне, очень удобно. Надежные, простые в установке. По-моему, прекрасный выбор.

– А сами бы вы что взяли? – поинтересовался мужчина, глядя на Лору совершенно другими глазами. Она хмыкнула, успевая еще раз оценить его облик. Массивная, но не толстая фигура, скорее основательный мужчина, чем грузный. Уверенный в себе, обаятельный, но довольно спокойный. И неплохо зарабатывающий: хорошие джинсы, качественный трикотаж джемпера, начищенные ботинки из матовой кожи.

– Я-то бы взяла последние, но... Думаю, вы можете себе позволить лучшие. Машинка ваша будет рада, и вы тоже.

Мужчина польщенно улыбнулся ей в ответ, покивал, все еще обдумывая что-то. Протянул руку:

– Я Глеб.

– Лора, очень приятно, – она без промедлений пожала горячую жесткую ладонь.

– Лора, у вас есть работа?

Она опешила:

– Э... Вы об этом всех девушек спрашиваете, с которыми знакомитесь?

– Только тех, что покоряют меня своими деловыми качествами.

Лора не совсем поняла его и неопределенно хмыкнула. Тогда Глеб поднырнул под крышку прилавка и попал к кассе:

– Вам что-нибудь посоветовать, Лора? Хотя, кажется, вы в этом деле разбираетесь лучше некоторых продавцов.

Лора смущенно засмеялась, сообразив:

– Так вы здесь работаете! Ну вот, а я со своими советами, позорище какое...

– Вовсе не позорище. Вы почти убедили меня купить стеклоподъемники для «Рено», при условии, что у меня вообще старушка-«Королла». «Рено» я продал, чтобы открыть, – он с видимой гордостью обвел руками широкий круг, – все это. И про вашу работу я спрашиваю, потому что очень надеюсь, что именно благодаря вам наш магазинчик не загнется. Что скажете?

Лора сказала Глебу «да». Сперва на предложение поработать на него, потом – на предложение сходить поужинать, остаться до утра, поехать в Египет... В Люблинском ЗАГСе, отстояв положенное время в компании таких же ошалелых людей, ввязывающихся в самую большую авантюру своей жизни, она тоже ответила «да».

Все происходило очень быстро, и не было времени остановиться и подумать. Да и о чем? Они с Глебом прекрасно понимали друг друга, днями взахлеб обсуждая тачки, вечерами смотря «Top Gear», неделями пропадая в магазине, делая закупки, нанимая кассира и второго консультанта, обзванивая клиентов, пополняя ассортимент запчастей и сопутствующих товаров, обмениваясь ласковыми поцелуйчиками, пока микроволновка в подсобке разогревала один обед на двоих. И впервые грядущая жизнь не показалась Лоре пугающей, в ней образовался просвет, широкий, как полоса ясного сине-холодного неба на горизонте пасмурного дня. Те месяцы были как под эфиром, когда из-за неудач они не расстраивались

всерьез, а радости воспринимали, преувеличив многократно. И даже беременность, собственно, и подстегнувшая без того стремительный брак, Лору не встревожила. Как-никак, она получила высшее педагогическое образование, и дети ее не пугали – ни чужие, ни тем более свои.

И когда родился Алеша, она ринулась в бой со всем пылом, на который была способна. Лора не страдала от депрессии, не переживала из-за лишнего веса, ее мир завертелся вокруг маленького существа, отчаянно в ней нуждающегося.

Возможно, за всю ее жизнь никто не любил ее сильнее, чем этот крошечный кареглазый сверточек, нежно улыбающийся беззубым ртом. Бесконечные пеленки, кормления, сцезивания и недосыпы не могли пошатнуть ее уверенности в том, что она замечательная мать, а будет еще лучше, несмотря на то что Алеша оказался очень беспокойным малышом. Уложить спать его было целой проблемой, он кряхтел и куксился и постоянно норовил заплакать, а Глеб, как выяснилось, совершенно не переносил детский плач – равно как и не умел говорить шепотом, чем частенько будил сына по утрам. Выход нашелся случайно, в темном ноябре, когда в нервическом порыве Лора властно прижала хнычущего ребенка к груди, вынесла из дома и вместе с ним отправилась в ночное путешествие по Москве. Рокот двигателя и оранжевые мазки фонарных огней по лицу очень скоро убаюкали Алешу лучше любой колыбельной. Видимо, страсть к машинам и поездкам была у матери и сына общей.

Ночами Лора мечтала, чтобы сын поскорее подрос. Тогда можно будет показать ему, как велик и прекрасен мир, сколько в нем волшебного и удивительного. Радуга на мокром боку мыльного пузыря. Холодный нос котенка. Соломинка в талом ручье. Шалаш из веток в укромном уголке парка. Разломанная ледоходом река, вся в торосах и трещинах. Черные козявки букв, складывающиеся в слова, у каждого из которых – свой смысл и окрас. Разделенный с соседским мальчуганом пополам пакетик конфет, букетик бархатцев для девочки в песочнице. И музыка, конечно, музыка, ее ревущее великолепие...

Она никогда не забудет первого дня рождения сына. Ребенок уже давно посапывал в кроватке, Глеб досматривал фильм, приглушив звук до минимума, а сама Лора домывала посуду после ужина с друзьями и матерью Глеба, Ириной Анатольевной. И вдруг, засмотревшись, как обильная пена утекает в слив с чавканьем, она почувствовала, как что-то нехорошее волной поднимается в ее душе. Этому чувству не нашлось названия, оно было горькое на вкус и липкое на ощупь. И оно заполонило ее всю. Правда, только на мгновение.

Потом струя из хромированного крана хлестко ткнула в подставленную ладонь половника, и Лору окатило водой, попав даже на лицо. Она очнулась, чертыхнулась и вытерлась полотенцем, оставив в раковине несколько приборов, злосчастный половник и блюдце с блестящей каемкой. В пустой кухне ей было так холодно, будто забыли закрыть форточку.

Лора зашла в темную комнату. Алеша тихонько почмокивал и ворочался в кроватке, Глеб спал, отвернувшись к стене и закрыв голову второй подушкой, по стене бежали тени молчаливой рекламы. Лора щелкнула пультом, легла на матрас, с усилием вытянула из-под мужа краешек одеяла и укрылась им в тщетном желании согреться. Ее руки, ноги и сердце были холодны как лед.

07.59

Астанина вырулила на проспект, охваченный рыжей осенней лихорадкой. В ее мыслях оставшаяся у парапета Варя таяла, истончалась, становясь одной из городских легенд, настолько же неоспоримых, насколько и неподтвержденных. Ноздрей касался запах близкого мяскокомбината – тухлое мясо, тлен... Этот аромат всегда приносит к светофору игривым порывом ветра. Скопление человеческих жилищ, нагромождение жизней – вот что такое этот Город. И пусть вонь нечистот из сточных канав давно сменилась выхлопными газами автомобилей, никого не обмануть: город всегда город, с бойнями, лишь маскирующимися

под пищевые заводы, и борделями, прикидывающимися массажными салонами и саунами. Низшие человеческие побуждения, тайные желания плоти.

На улице, что примыкает слева, окончилась некогда первая прогулка Лоры и Севы. О да, она все же состоялась. Свидание? Нет, Лора избегала этого слова. Свидание подразумевает романтические помыслы, а это... так, глупости. После всего случившегося она недостойна ничего романтического. И даже ничего человеческого. Наказание должно быть наказанием до самого конца, так она решила. Ее грех неискупим.

Сева все же выловил ее – неделю спустя, в тот момент, когда Астанина и думать о нем забыла. Всего лишь фигура в тени старого тополя и приветливый голос:

– Привет, трусиха.

Вкрадчивая легкость и в движениях, и во взгляде, теплый аромат парфюма, синий шейный платок, повязанный с изящной небрежностью, которая и добавляет образу шика. Кто, ну кто из мужчин носит шейные платки? Все-таки есть в Севе что-то от стереотипного парижского художника: нет ни берета, ни длинного шарфа, ни палитры под мышкой, – а ощущение есть. Этим вечером он явился без мотоцикла. Скорее от удивления, чем по сильному желанию, Лора согласилась выйти через двадцать минут. Школьница, которую под окнами ждет одноклассник... Обойдемся без портфелей и списывания... Из вежливости она предложила Севе подняться и подождать ее в коридоре.

– Нет, думаю, не стоит, – уверенно, но спокойно отказался Сева. – Тебе будет неудобно, присутствие чужих на твоей территории сильно тебя нервирует. А в итоге испортишь себе настроение и окрысишься на меня. – И его зубы влажно блеснули в густеющей темноте.

От возмущения Лора даже не огрызнулась, но неожиданно хихикнула, когда за ней закрылась дверь подъезда.

Дома, торопливо поливая макушку водой из душа и отфыркиваясь, неосознанно ковыряя пальцем язву серой штукатурки на стене, суша волосы, копаясь в ворохе неновой одежды, она все задавала себе вопрос: что я делаю? Ища ответ, Астанина параллельно искала наряд и презирала себя за это. И когда вдохнула сахарный воздух майского вечера, чуть не застонала. Это всего на пару часов, ненадолго. Пусть хоть что-то в этом мире заставит ее забыть, и возможно, грядущую ночь она проспит мирно, не терзаемая кошмарами своей нечистой совести. Она не заслужила, но... Господи, пожалуйста, всего лишь передышка! Пусть хоть час продлится этот оцепенелый сон, когда можно ничего не решать, ничем не терзаться, а лишь идти за едва знакомым человеком, желающим накормить ее пирожными. Или кальмарами, без разницы.

Больше всего Лора боялась, что Сева повезет ее в какой-нибудь ресторан. Дорогущий, с белыми скатертями и хрусталем, серебряными ведерками с шампанским. Для таких мест не годились ее простенькая блузка и черные джинсы, да и туфли на каблуке она никогда не носила, в этот вечер тоже предпочтя им обычные сабо на танкетке: для них уже достаточно потеплело. Ну и что, что ногти ненакрашены, кому нужны эти изыски... Платить она, конечно, будет за себя сама, не хватало еще есть за его счет.

– Расслабься, – отвлек ее от опасений Севин голос, и Лора впервые заметила, какие ромовые нотки в нем бродят. – Ты словно на заклятие идешь.

– Самый невыносимый умник из всех, – буркнула она. – Куда поедем?

– Не поедем, пойдем, пешочком. Давно ходила ногами, а не катала свою попу на машине?

Он продолжал подтрунивать над ней. Неизвестно, с чего Сева решил, что может так с ней говорить. Впору было бы оскорбиться, но он внезапно напомнил Лоре Ваньку Пономарева. Тот тоже вечно ее подкалывал – и Лоре это нравилось.

По проспекту Мира они добрались до площади, обмениваясь отвлеченными фразами о погоде. Отсюда рукой подать было до Склифа, и Лора все же сдалась:

– Как твоя нога?

– Ты ведь догадываешься, что вопрос запоздал на неделю? Все в порядке, видишь, даже не хромаю. – Сева старательно попрыгал на одной ножке и не поморщился, хотя Лора и предполагала, что это вовсе не так безболезненно. Но не произнесла вслух. А Сева вдруг замер. Тонкий аист в городских джунглях. Его взгляд, в сумерках ставший темно-синим, накрыл раскинувшуюся перед ними Сухаревскую площадь.

– Знаешь, что здесь когда-то было? Прямо посередине, – он пальцем ткнул в искрящуюся металлической чешуей автомобильную стайку. – Сухарева башня. Слыхала о такой?

Лоре пришлось признать, что нет. Сева сощурился:

– Не москвичка, так и знал. Пойдем, покажу.

В подземном переходе под площадью былолюдно. Пахло слоеными пирожками и сыростью подземелий, торговцы разложили на картонных коробках и низеньких прилавках свой разносортный товар: шерстяные носки, брелки и сувениры, газеты, детские игрушки, пучки с петрушкой и укропом, смотанные суровой ниткой и щедро обрызганные из пульверизатора, дешевые китайские платки и шарфы, тюльпаны в пластиковых ведрах. Сева уверенно шел сквозь толпу, огибая препятствия, так что Лора едва за ним попевала. Он чувствовал себя совершенно раскованно, хотя Лора сомневалась, что он так уж часто бывает в переходах. Это же золотой мальчик, разве нет?

Сева замедлил шаг и обернулся к ней. Глаза его вспыхивали и гасли, будто крохотные зарницы путались в ресницах. Потом он молча перевел взгляд на стену перехода, и Лора невольно последовала его примеру.

Кирпичная кладка, выбивающаяся из общей картины. Своды, полузаложенные, полужакрашенные. Чужеродные, древние.

– Что это?

– Это она. Башня, – пояснил Сева. – Слишком прекрасная, чтобы просто сгинуть. Когда-то торчала посреди низенькой захудалой Москвы... Она как гвоздь, ее не выдернуть. Снести – снесли, а кажется, будто просто вместе со шляпкой в землю вколотили.

Лору толкнул в плечо прохожий, она посторонилась и тронула шершавую стену ладонью.

– Видишь, как переход изгибается, – продолжал Сева. – Подвалы башни такие глубокие и крепкие, что метростроевцы, когда возводили тут все, решили, что проще обойти, чем разбирать. А еще говорят, – он постучал пальцем один из кирпичей, – там замурованы сокровища.

«Какой же ты ребенок», – чуть не выпалила Астанина, но в душе заворчалось чувство, заставившее ее промолчать. Она еще раз погладила стену.

– Молодой человек, купите девушке цветочков, – обратился к Севе торговец.

– А давайте!

– Вот еще, глупости! – Лора заторопилась, рванула с места, рассердившись. В лицо бросила жаркая краска.

Сева нагнал ее лишь на ступеньках. Протянул пять белых тюльпанов:

– Это тебе.

– Незачем.

– Ну возьми, что, убудет от тебя?

– Не возьму! – заартачилась она.

– Как хочешь, – хмыкнул Сева и тут же шагнул к проходившей мимо женщине в платке и юбке до пят. Секунда – и женщина, по привычке еще недоверчиво хмурясь, уже уносила букет с собой. Лора ощутила укол легкого и запоздалого сожаления. Сева, кажется, понял это по ее лицу, ухмыльнулся, но от комментариев воздержался.

Этим вечером Лора осознала, что никогда еще не встречала такого порывистого человека. Все, что взбрело Сева в голову, он осуществлял молниеносно, без сомнений и страха. Танцевал с ребятней около уличного оркестра, покупал хот-дог и бутылку воды для копающегося в урне бомжа. Он не боялся показаться смешным, нелепым, слабым, сумасбродным. Рядом с Севой Лоре было не по себе, как будто он тянет ее из раковины, точно улитку – за усики и скользкое бесформенное тельце. Но вместе с раздражением, смущением и противодействием в ней рождалось что-то еще.

– Если ты боишься за фигуру, то могу тебя заверить: лучше один раз слопать целый торт, чем каждый вечер – по куску, – заявил Сева, выходя из крохотной кондитерской возле Китай-города и протягивая Лоре клубнично-шоколадный треугольник торта с потеками карамели. Сироп капал с картонной подложки.

– Ну да, съесть целый торт и посадить печень. Программа-максимум, – проворчала Лора по привычке и угощение не взяла.

– Ой, да перестань ты! – Сева щелкнул ее по носу, это было так неслыханно и быстро, что Лора даже отшатнуться не успела. – Бубнишь, как столетняя бабка. И то – почему я обижаю столетних бабок сравнением с тобой?

– Я старше тебя, – брякнула Лора.

Сева подавился смехом:

– Ну прости. Тебе тросточку принести или лучше сразу «утку» с клизмой?

– Ах ты... – задохнулась Лора.

Сева проворно отскочил в сторону. И прежде чем осознать происходящее, Лора уже неслась за ним по бульвару. Помрачение, вздор, баловство! Она не знала, что будет делать, если догонит, но, справедливости ради, Сева не собирался быть пойманным, он прытко мчался вперед, вихляя и перемахивая через лужи. Ни дать ни взять большой кузнечик. А она кто? Самка богомола?

От этого сравнения Лора чуть не споткнулась. Вспомнился Глеб. Ее будто стреножили невидимым лассо, и захотелось упасть прямо здесь, ободрать колени и ладони до наждачного жжения, только чтобы унять поднимающуюся внутри тошнотворную муть.

Сева даже не запыхался. Один внимательный взгляд, и улыбка его погасла. Осторожно поставив уцелевший в погоне кусок торта на скамейку, он легонько тронул Лору за локоть:

– Кажется, надо выпить.

Через час они вывалились из подвального ирландского паба в темном переулке.

Позади остались нескончаемые споры, кому платить.

– Послушай, я же и обидеться могу! – возмущался Сева. – Проклятая эмансипация.

– Никакая не эмансипация. Кое-где люди предпочитают отдавать долги или не быть должными вовсе. Потому что рано или поздно цену все же взыщут, ясно?

– Только не я.

– Ага, конечно, ты все делаешь по доброте душевной.

– Именно. Без подвохов! Выбери, что будешь пить, кончай тормозить, ну!

Теперь внутри Лоры плескался вишневый «Тиммерманс» в музыкальном оформлении хорнпайпа⁴, и хотелось идти куда глаза глядят. На город упала ночь, вся в предвкушении близкого лета. В темноте проехала уборочная машина, не поливая, а выметая асфальт большой валиковой щеткой. За ней поднялась такая пыль дымными клубами, что показалось – туман.

Хмель прошел только на мосту. Лора и Сева стояли прямо на середине, глядя, как качаются, плывут и не могут уплыть огни. Быстро приближался речной теплоходик, не из обычных обшарпанных, а настоящий принц москворецкого судоходства, с белыми бортами и кры-

---

⁴ «Тиммерманс крик» – наименование пива, хорнпайп – народный танец.

той стеклом палубой. Плавающий кусочек роскошной жизни – в этом Городе такие попадаются на каждом углу, как жемчужины, рассыпанные на проселочной дороге. Стало слышно мелодию, играющую на борту, смех, восклицания.

– Хорошо, что я сейчас не один, – вдруг пробормотал Сева. – Помню, тридцатого декабря прошлого года я шел через мост. И остановился прямо здесь, на этом самом месте. Был жуткий мороз, минус девятнадцать с колючим ветром, и река давно замерзла. И вижу – плывет этот пароходик. Искрится огнями, как сейчас. Но река скована льдом, и он носом взламывает его, утюжит... А когда подошел поближе, стало видно, какая там сокрыта сила. Лед трещал, вздыбливался весь, скрипел и расходился в две стороны, могуче, даже страшно. Льдины ударились о гранит... Все будто кипело... Ледяное варево. А за пароходиком, сразу за его кормой, все сомкнулось обратно, схлынуло. Даже схлопнулось, как книга, с такой грозной мощностью, что я... я не мог поверить, что явился свидетелем этого. Я чувствовал себя ребенком, которому подарили новогодний подарок на день раньше. Это было чудесно. Но в такой мороз я был на мосту один – странно даже, я думал, в Москве невозможно остаться в одиночестве, захочешь – так не получится. А тут я стоял на ветру, подбирая сопли, и не с кем было поделиться своим восторгом. Наверное, когда рождается ребенок, у родителей наконец-то появляется человек, которому можно показать это все. Неброское волшебство нашего мира. У тебя ведь есть дети?

– Н-нет, – прошептала Лора испуганно.

– Снова врешь, – вздохнул Сева. – Мне ты можешь даже не пытаться врать, я это вижу сразу.

– Так уж и сразу, – она была расстроена своим ответом. Но, строго говоря, это правда. Да, она родила сына. Но сколько лет прошло с тех пор, как она видела его? Шесть... Четыре плюс два. Какая же она мать после этого... Господи, уже шесть, как много. И какое это мучение... По весне, стоит только липам забросать машину своими сахарно-липкими охристыми скорлупками, она тут же вспоминает, что у Алеши аллергия на цветение. И ей становится трудно дышать...

Сева повернулся к Астаниной и взглянул прямо в глаза:

– Да, сразу. Хочешь, проверь. Говори мне факты о себе, а я буду отвечать, правда это или ложь. Давай проверим!

Лора скривилась. Затея не казалась ей стоящей: вряд ли этот красавчик-попрыгунчик может быть хорошим психологом, а не изображать его ради впечатления. Но решила, что лучше не тратить время на бессмысленный спор.

– Ну хорошо... – она закатила глаза, стараясь припомнить или придумать что-нибудь. – В школе я была отличницей.

– Вранье.

– Э... Я не люблю цветы.

– Правда.

– Ладно... Я... Мне не нравится гулять с тобой по городу.

– Врешь, нравится!

– Моя мать живет у моря.

– Правда.

– Мой папа... живет в другом месте.

Сева сощурился.

– Хм. Полуправда. Он не с твоей мамой, но... Я понял, да. Его уже нет с нами.

Лора перестала издевательски улыбаться:

– Как ты это делаешь?

– Давай дальше, мне интересно! – Сева махнул рукой, подгоняя.

Но тут уж Астанина воспротивилась:

– Так не пойдет. Получается игра в одни ворота!

Сева с готовностью кивнул:

– Справедливо. Тогда пара слов обо мне: отличником я не был, был троечником. Цветы я люблю. Моя мама живет в Черемушках, а отец бросил нас, когда мне исполнилось четыре. Хотя знаю, что в прошлом году он умер. И мне тоже нравится гулять с тобой по городу...

«Если долго глядеть ему в глаза, начинает укачивать, – с досадой поняла Лора. – И если говорить, тоже».

– И все-таки, – не сдалась она. – Как ты понимаешь, когда я говорю правду, а когда – нет?

Сева сунул руки в карманы и побрел вперед:

– Умение распознавать блеф... Не знаю, мне кажется, это врожденное. Видимо, считываю мимику лучше других. Сложно объяснить словами, это неуловимо. Ты ошиблась, когда назвала меня золотым щенком. Щенок – возможно, но уж ничего золотого у меня в помине не было. Мама, сколько ее помню, работала научным сотрудником в Республиканской детской библиотеке, отца не было. В двадцать лет я стал играть в покер и на бирже. В двадцать три купил себе квартиру, кровно заработанную. В двадцать четыре проигрался почти в пух. И решил, что надо бы с этим завязать. С тех пор я юрист. Не фотограф, как ты изволила домыслить в прошлую нашу встречу. Не тусую в клубах и не нюхаю кокаин. Еще у меня есть диплом психолога-переговорщика, так что если надумаешь бросаться с крыши – звони. Я подтолкну.

Так они и шли, все дальше и дальше. Астанина давно не чувствовала ног, слишком сильно они устали. Но и прощаться с Севой не торопилась.

Несколько остановок на полуночном троллейбусе, и вот они присели на лавочку в каком-то опустелом дворе. С шипением открыли газировку и пили бьющую в нос жидкость, припадая к горлышку по очереди. Давненько Лора не сидела ни с кем на улице, вот так, по-простому. Такое родное, забытое состояние, казалось, что она снова юная, измотанная долгими шатаниями с приятелями, что сидит на рваной крышке у костра на задах фабрики, на пустыре, заросшем крапивой и репейником, и вот-вот кто-то начнет бречать на гитаре.

Разговор пересох, как слишком бурный паводковый ручей к середине лета. Лора боялась, что готова рассказать о себе больше, чем позволительно, и потому решила и вовсе помалкивать. Не то диплом переговорщика, не то обаяние делали Севу слишком привлекательным для синдрома попутчика, для той самой роли, что обычно безропотно принимала на себя Лора, не в силах сама никому выплакать свою беду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.